

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

М. Соколов ВЕЛИЧИЕ КЛАССИКОВ. СКРОМНАЯ ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕТЬ ПРОПАСТЬ МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ ОБЪЯСНЕНИЯМИ

Предлагаем вниманию читателей главу из книги М.Соколова — научного сотрудника Института социологии (С.-Петербург), которую планирует выпустить в свет издательство "Academia".

Классикам социологии обычно приписывается две разновидности достижений. Во-первых, считается, что они придали рассуждениям об обществе некое новое качество, сделав их лучше — рациональнее, точнее, обоснованнее — чем те, что были до них. Помимо этой ортодоксальной версии объяснения значительности классиков, в последние десятилетия под влиянием открытий социологии науки развилась другая, более приземленная интерпретация их важности. В соответствии с ней, их основным достижением была институционализация социологии как академической дисциплины — появление факультетов и кафедр, выпуск журналов, образование профессиональных ассоциаций. Действительно, те, кого мы считаем отцами-основателями дисциплины, проявляли значительные способности в области, которую сегодня назвали бы менеджментом науки. Они открыли первые социологические факультеты и кафедры (Дюркгейм во Франции в 1913, пионеры Чикагской школы в США в 1892), основали первые профессиональные издания (Дюркгейм — *Année sociologique* в 1898, Вебер — "Архив социологии и социальной политики" в 1903, чикагцы — "Американский социологический журнал" в 1895) и участвовали в создании первых профессиональных ассоциаций (Вебер — "Общества социальной политики", чикагцы — Американское социологическое общество в 1905). Чтобы достичь этого, им приходилось эксплуатировать политическую конъюнктуру, создавать коалиции со всевозможными силами как внутри, так и вне университетов, и использовать любые возможности для обеспечения лояльности и продвижения своих учеников.

Эти две стороны значительности классиковобычно и описываются в стандартных биографиях как существующие параллельно и независимо друг от друга. Они могут быть сведены одна к другой — если мы приписываем их нынешний статус полубожественных фигур именно политическим, а не интеллектуальным успехам, как их собственным, так и их учеников. Такое объяснение интеллектуально

изящнее, чем оперирующее двумя непересекающимися основаниями для величия, хотя и оставляет без ответа некоторые очевидные вопросы — почему, например, Альбион Смолл не считается классиком, хотя он за несколько первых лет в качестве декана факультета в Чикагском университете преуспел значительно больше в институционализации социологии, чем Вебер и Дюркгейм — за всю свою жизнь, а его прямые наследники на этом факультете, казалось бы, имели достаточно ресурсов для его последующей канонизации. Более мягкая версия того же материалистического тезиса указывает на то, что в любой момент имеется достаточное количество потенциально пригодных для превращения в классику работ и выбор одной из них (Дюркгейм, а не Тард или ЛеПле) происходит под воздействием факторов, не имеющих ничего общего с их интеллектуальными достоинствами.

Попытаемся реализовать третью возможность в определении отношений между политическими и интеллектуальными основаниями величия — рассмотреть их как комплиментарные, в значительной степени даже идентичные друг другу¹. Историческая важность классиков заключается в том, что они продемонстрировали, как взаимодействия между интеллектуалами, рассуждающими об обществе, могут быть уложены в организационные шаблоны академической жизни. Коммуникации между людьми, темой которых является общество, существует ровно столько же, сколько существует и само общество (поклонники Лумана здесь глубокомысленно заметили бы, что именно эти коммуникации и создают "общество" в том единственном значении, в каком это слово имеет смысл употреблять). Организационные формы, в которые на рубеже XIX–XX вв. влилась социология, также были созданы значительно раньше. Не социологи придумали факультеты и кафедры, лекции и семинары, конференции и реферативные журналы. Однако характер этих коммуникаций был таков, что они стойко сопротивлялись любым попыткам канализировать их по руслам, составляющим институты академического мира. Именно классики придумали, как можно сделать с рассуждениями об обществе то, что ранее было сделано с рассуждениями о природе. Но перед тем, как перейти к описанию их роли, рассмотрим подробнее черты естественных наук, которые сделали их привлекательным предметом для подражания.

Восхитительные достижения естественных наук

Заголовок этого параграфа надо читать именно так, как он напечатан — без кавычек. Автор находит результаты, достигнутые физикой и биологией (а также математикой и логикой, отнесенные к "естественным наукам" с большой долей условности), невероятными. Это невероятность — социологическая в большей степени, чем какая-либо другая. Институты науки в некоторых отношениях принципиально отличаются от всех остальных институтов, составляющих общество. Представим себе (с помощью Алисдера Макинтайра), что чудовищная катастрофа уничтожила человеческую расу. Миллионы лет спустя инопланетные археологи создали описание всех сторон жизни людей Нового времени — кроме институтов естественных наук, все следы существования которых были, прихотью

¹ Автор, разумеется, не является первым, кто пытается это сделать — Пьер Бурдьё (Бурдьё 2002; Bourdieu 1988), Рэндалл Коллинз (Collins 1975; Коллинз 2002 (1998)) и Бруно Латур (Latour and Woolgar 1979; Latour 1983) предпринимали аналогичные попытки, к которым все сказанное ниже может служить, в лучшем случае, лишь небольшим дополнением.

катаклизма, уничтожены. Эти археологи никогда бы не поверили, что современная физика функционировала так, как она функционировала. Работа физиков противоречила бы всему, что они успели узнать об устройстве человеческого общества.

Возьмем исторический пример, обратившись к книге У. Сибрука (1946). Осенью 1903 г. один из крупнейших французских экспериментаторов Blondlo объявил об открытии особых N-лучей, которые испускались живыми организмами и далеко превосходили по проникающей силе рентгеновские. К исследованиям подключились многие физики с мировой репутацией, включая Беккереля-младшего, и к середине 1904 г. в крупнейших французских журналах было опубликовано несколько десятков статей на эту тему (большая часть которых исходила из лаборатории Blondlo, причем ни один успешный эксперимент с N-лучами не был поставлен за пределами Франции). Blondlo была присвоена золотая медаль Французской Академии. Тем временем американский физик Роберт Вуд, работавший в Кембридже, и его английские коллеги безуспешно пытались повторить опыты Blondlo. Тогда Вуд явился в Париж, попросил Blondlo предъявить ему наблюдаемые эффекты и пришел к выводу, что те являются результатом самовнушения. Он опубликовал заметку о своей поездке в "Nature", после которой поток статей, рапортовавших об успешных опытах с N-лучами, моментально сошел на нет. Медаль была все-таки торжественно вручена Blondlo в декабре, однако с новой формулировкой — "За многолетние исследования". Взглянем на эту историю глазами наших инопланетных археологов. Если бы они успели составить представление о других областях интеллектуального производства — политической идеологии, религии или искусстве — то, скорее всего, сочли бы эту историю вымыслом. Ни в одной из этих областей они не нашли бы свидетельств того, что в распоряжении людей начала XX в. находились риторические средства столь эффективные, что они позволили бы одним из них убедить других в своей правоте в сравнительно сжатое время и вопреки явным интересам последних. Профессор Blondlo имел все основания не желать признавать свою неправоту, и это нежелание, надо думать, разделяли с ним его ученики и ассистенты, а также патриотически настроенные слои французского общества². Тем не менее ошибка была ими признана под воздействием одной статьи, опубликованной мистером Вудом³.

Исследователи науки могут привести сколь угодно много примеров того, что время от времени эти риторические приемы не срабатывали и одна часть общества ученых категорически отказывалась признать аргументы другой. Критически настроенные по отношению к авторитету естественных наук социологи и историки нашли массу иллюстраций для меланхолической фразы Макса Планка о теориях, которые приходят на смену более ранним, лишь когда вымирают сторонники последних. Однако когда мы отказываемся от идеального образа бесстрастных ученых, погруженных в поиски истины, и начинаем признавать в них

² Дело происходило во времена, когда свежие научные статьи например, статьи А. Эйнштейна) целиком перепечатывались в общенациональных газетах и когда научные открытия служили таким же поводом для национальной гордости, какой сегодня служат олимпийские рекорды.

³ Сравним это с примерами из религиозной жизни, в которой пророкам удавалось иногда сохранять влияние на своих последователей даже тогда, когда, казалось бы, имело место абсолютно осязаемая демонстрация несостоятельности их пророчеств — например, не происходил предсказанный ими конец света (подробнее о том, что происходит, когда пророчество не сбывается см. Festinger et al. 1956).

пристрастных и корыстных борцов за влияние и признание, возникает следующий вопрос: как получается, что сообщество, состоящее из всех этих в значительной степени довольно несимпатичных индивидов, ведет себя так, как если бы его составляли мертоновские рыцари без страха и упрека? Именно этот вопрос требует социологического ответа.

Принципиальные разногласия в религии и политике чаще всего разрешались в истории с помощью кровопролития — и почти никогда с помощью простого убеждения. Сама возможность достижения быстрого и полного согласия в вопросах, затрагивающих важные интересы сторон, казалась и кажется нам обычно недостижимым социальным идеалом. Мы можем высказать предположение о том, что обаяние естественных наук в значительной степени опиралось и опирается не на технические нововведения, которые они предоставляют в наше распоряжение, а на то, что они зримо доказывают: подобная социальная организация вообще возможна. С этой точки зрения, открытия и изобретения существенны лишь как средство новой демонстрации возможности коммуникации между учеными, реализующей определенные идеалы человеческого взаимодействия. Потребовалось бы значительно больше эмпирических аргументов, чем можно здесь и сейчас представить, чтобы придать убедительность этому тезису. Тем не менее вопрос может быть поставлен: не была ли форма самоорганизации, которая, по крайней мере, частично, реализуется учеными, более важной в достижении этой корпоративной группой ее нынешнего престижа и влияния, по сравнению с теми возможностями, которые ученые предоставляют в распоряжение своих сограждан? Возьмем Лейбница, мечтающего о рациональной этике, которая позволит философам доказывать друг другу истинность моральных норм, вооружившись грифельными досками, как геометры, доказывающие свои теоремы. В духе позднего Дюркгейма, можно предположить, что именно этот идеал лежит в основе того религиозного почитания, которым геометрия — имевшая довольно ограниченное прикладное значение в первые два с чем-то тысячелетия после своего изобретения — была окружена на протяжении значительной части этого периода.

Что же делает науку столь специфичной? В центре научных институтов находится совокупность правил построения аргументации и "фактов" — утверждений, которые могут быть ретроспективно представлены как следствия интеллектуальных и практических операций, ориентированных на то, чтобы производить подобную аргументацию. Это значит следующее. "Логика открытия" не совпадает с "логикой доказательства" — вначале следует озарение, затем подбираются факты или иные основания, способные заставить умолкнуть потенциальных критиков. Данный факт никоим образом не является секретом для самих практиков в науке. Практики ожидают от своих коллег лишь доказательств, что те могут представить дело так, как если бы в каждый момент своей работы они полемизировали со внутренней аудиторией, мыслящей так же, как мыслят эти коллеги — как если бы в каждый момент они помнили о том, что им придется представлять доказательства по принятым среди них правилам.

Необычность упомянутой выше системы правил состоит в следующем:

(1) *Относительная однозначность.* Как уже отмечалось, ученые обладают беспрецедентной способностью приходить к полному согласию по тем вопросам, которые они обсуждают. Точнее было бы сказать, что они обсуждают лишь те вопросы, которые позволяют прийти к подобному согласию известными им методами — именно эта возможность делает конкретную постановку вопроса "научной". что несколько не умаляет удивительности их достиже-

ний⁴. Сообщества ученых способны прийти к консенсусу по поводу того, что составляет задачу, и по поводу того, была ли эта задача решена правильно отдельным членом сообщества. Используемые при этом механизмы согласования, оказываются достаточно эффективны, чтобы не было даже искушения обратиться к значительно более распространенным способам поиска компромисса. Вряд ли в истории физики был эпизод, когда две группы исследователей, получившие разные значения для одной константы, приняли правильное ее значение голосованием или сошлись на промежуточном значении, пропорционально отражающем силу каждой группы.

Этнометодологические социологи науки и популяризовавший их достижения Латур (а до них Поланьи) продемонстрировали, что следование этим правилам, при всей их предполагаемой однозначности, опирается на невероятное количество фоновых знаний и практических навыков, а также на работу гигантского социального механизма стандартизации, делающего возможным демонстрацию научных достижений. Без них экспериментальная демонстрация открытия (и восприятие этой демонстрации) были бы невозможны. Все это так, но подобные оговорки только подчеркивают, насколько невероятной является наука на фоне других областей человеческих взаимодействий, в которых есть все то же, кроме захватывающих дух демонстраций в конце. Любой лабораторный эксперимент опирается на множество разнородных практик — практик, задействованных в производство приборов и материалов, практик их использования, практик математических вычислений, практик донесения его результатов до коллег. Весь наш жизненный опыт заставляет нас предполагать, что в этой невероятно сложной системе из человеческих существ и машин произойдет сбой, который сделает исход опыта непредсказуемым. Знакомые нам системы никогда такого рода никогда не работают сколько-нибудь согласованно — если нет постоянного и всеобъемлющего контроля над всеми их элементами — контроля, который для этнометодологов и составляет нашу повседневную жизнь. Там, где мы не можем опираться на долгий опыт, и там, где в систему не встроено множество предохранительных контуров и оперативных механизмов обратной связи, осуществляющих непрерывную коррекцию (которые встроены, например, во все наши взаимодействия лицом к лицу), наши системы из акторов и актантов просто не работают. Множество примеров этого можно найти в истории спецслужб — организаций, которые по роду своей деятельности специализируются на создании точно работающих механизмов и имеют доступ к лучшим из имеющихся человеческих и нечеловеческих материалов.

Вот одна историческая иллюстрация, взятая из книги МакДональда "Убийство Райнхарда Гейдриха" (McDonald 1998). В конце 1941 правительство Чехословакии в изгнании, возглавляемое Бенешем, принимает решение организовать покушение на главу РСХА и протектора Богемии и Моравии Райнхарда Гейдриха. Выбираются два лучших агента-чеха, блестяще прошедших разведшколу британского Управления секретных операций. 27 декабря, в новолуние, их сбрасывают с парашютами, однако штурман неправильно определяет местоположение самолета, и они приземляются не на окраине Праги, а в 30 километрах от нее. Один из агентов серьезно повреждает ногу, и оба диверсанта просто не могут добраться до явочной квартиры — как выясняется в дальнейшем, к лучшему, поскольку кварти-

⁴ Это воплощается в школьных задачниках по физике, которые допускают однозначно распознаваемый любым физиком как "правильный" ответ на каждое из упражнений. Для сравнения попробуйте придумать хотя бы одну задачу для задачника по социологии ("Произойдет ли революция в стране А, если...?"), на который любой социолог даст определенный и совпадающий с ответами других социологов ответ.

ра пустует, а документы, которыми их снабдило УСО, бесполезны, и в Праге их задержал бы первый же патруль. Утром их недалеко от места приземления обнаруживает лесник, по счастливой случайности, сочувствующий Сопротивлению, и с помощью местного мельника переправляет парашютистов в Прагу. Через несколько недель об их миссии уже знают несколько десятков человек, и им постоянно приходится в спорах доказывать соратникам необходимость покушения (местные антифашисты опасаются, что неизбежно последующие репрессии парализуют разведывательную и пропагандистскую деятельность Сопротивления). Покушение должно было быть осуществлено в течение месяца после приземления — но в реальности все готово только к 27 мая. За это время агенты успевают обзавестись в Праге не только знакомыми, но и невестами. Теоретически, Гейдрих представляет собой легкую мишень, так как проезжает каждый день по одной и той же дороге без охраны, в открытом автомобиле. В день покушения, однако, все идет не так, как было запланировано. Обычно пунктуальный протектор опаздывает на полчаса и появляется, когда стрелки уже снимаются с места. Когда он, наконец, подъезжает к своим убийцам, выхваченный первым стрелком автомат дает осечку. Гейдрих приказывает водителю остановиться и вытаскивает пистолет, и только эта, противоречащая всем мыслимым мерам безопасности, остановка позволяет подбежать второму агенту с гранатами. Но он промахивается и граната взрывается снаружи машины, так, что осколки задевают его самого. В первый момент ни он, ни его напарник не замечают, что Гейдрих тоже легко ранен — осколки проникают сквозь сиденье (в которое, вопреки инструкциям службе охраны высших лиц Рейха, не вделана стальная пластина). Гейдрих тоже сразу не обращает на рану внимания и с пистолетом бросается преследовать одного из покушавшихся, приказав своему шоферу догнать второго. После погони и перестрелки, агенту удается скрыться. Через неделю Гейдрих умирает от заражения, вызванного оставшимися в ране частицами волосистой набивки сидений автомобиля.

Фактически, любая из описанных спецопераций представляет собой смесь из случайностей, непредвиденных обстоятельств, удач, сбоев и исхода, которого никто не ожидал. Автор предполагает, что именно по отношению к подобному опыту повседневной жизни достижения ученого представляются им самим и наблюдателям "чудесами". Эксперименты все же дают сходные результаты даже у тех ученых, которые связаны друг с другом только через третьи руки, а одни и те же константы, измеренные разными способами, приобретают одни и те же значения (известны десятки разных логически независимых способов измерить скорость света или число Авогадро, приносящие поразительно сходные результаты). По стандартам других областей человеческого взаимодействия, любой эксперимент — это грандиозный блеф. Ставящие его экспериментаторы осведомлены об этом более, чем кто-либо другой — и именно поэтому у них есть основания ощутить себя сопричастными мистическим тайнам, когда опыт все же раз за разом сходится⁵. Здесь, как и в других случаях, обаяние естественных наук основано на том, что их институты воплощают вечный социальный идеал.

⁵ Грандиозные "разоблачения" конструктивистских исследований науки вряд ли могут произвести какое-либо впечатление на тех, кто знаком с собственной рефлексией физиков или математиков. Старые книжки 60-х типа "Профессии исследователя в точных науках" Регирера (1966) содержат большую часть тех озарений, на которых потом будет построена часть самых блестящих карьер в социологии науки. В плане эксперимента, автор когда-то раздал некоторым своим социологическим друзьям небольшой текст и попросил угадать, кто его автор. Большинство предположили, что это или Латур, или "кто-то из этнометодологов", или Бергер и Лукман. В действительности это была статья "Пространство-Время", написанная Альбертом Эйнштейном для 13 издания "Энциклопедии Британника".

(2) *Принудительная сила.* Правила научной аргументации обеспечивают возможность для достижения согласия, которой не обеспечивает ни один другой институт. Еще одна их поразительная особенность состоит в том, что они практически используются в этих целях. Можно спросить, что мешало профессору Блондло прочно окопаться на своей кафедре и игнорировать доводы своих коллег, продолжая подделывать результаты экспериментов даже после того, как ему продемонстрировали его ошибку? Разумеется, дело в невероятно эффективной системе контроля, встроенной в правила ведения дискуссии, которые практически исключают оппортунистическое поведение. Ученые обменивают данные и теоретические модели на признание (Hagstrom 1965; Whitley 1985). Контроль за множеством этих сделок не осуществляется каким-либо централизованным агентством типа государства, следящего за добросовестностью соблюдения условий экономических контрактов и регулярно прибегающего к силе, чтобы отстоять чьи-то права.

Теоретически существуют уголовные наказания за академический плагиат. Практически подобные законы используются нечасто, а, скажем, наказаний за фальсификацию результатов лабораторного эксперимента — поставку заведомо некачественного товара — просто не предусмотрено уголовным кодексом ни одной из известных автору стран. Тем не менее истории, подобные афере Сирила Берта (Johnson 1989), случаются крайне редко.

Добропорядочность ученых опирается исключительно на неформальные санкции, и их, поразительным для современных обществ образом, оказывается, как правило, вполне достаточно. Частично, вероятно, имеет место глубокая интериоризация норм, подкрепленная, с одной стороны, позитивным эмоциональным опытом, который может принести участие в исследовании, а с другой — тем, что следование нормам аргументации служит источником авторитета как каждого ученого в отдельности, так и всей науки. Частично влияют особенности рынка академического внимания, который демонстрирует все черты ситуации, способствующей благополучному разрешению дилеммы узников — в каждом его сегменте взаимодействует лишь ограниченное количество игроков, постоянно взаимодействующих друг с другом и обладающих средствами слежения, позволяющими с высокой вероятностью диагностировать случившийся обман (Axelrod 1982). Так или иначе, система сдержек и противовесов, встроенных в институт науки, оказывается невероятно эффективной.

(3) *Дистрибуция задач и позиционирование результатов.* Третья и, возможно, наиболее важная для развития формальных институтов современной науки особенность научной аргументации заключается в следующем. Рэндалл Коллинз описывает нечто вроде гипотетического гоббсовского "естественного состояния" науки — огромную равнину, покрытую людьми, каждый из которых выкрикивает "слушайте меня!" — и каждый из которых имеет Теорию Всего. Центральная задача научных институтов — предотвращать впадение в это состояние, определяя, кому, кого и по какому поводу слушать (Коллинз 2002 (1998); Merton 1973; Merton, 1968). Коммуникация между учеными, до тех пор пока она соответствует правилам, производит нечто вроде систематической сортировки своих результатов и тех, кто эти результаты получает. В отношении каждого полученного "факта" мы можем сказать, как он соотносится с прочими "фактами". Кун определяет нормальную науку как "puzzle-solving activity" — решение множества мелких и относительно шаблонных задач⁶. Именно это качество отличает естественные науки Нового време-

⁶ "Нормальная наука", о которой пишет Кун, делается в рамках одной из парадигм (Кун 2003(1962)). Парадигмы редко охватывают целые академические дисциплины — скорее, они образуют

ни от науки предшествовавшего периода — успешная дистрибуция когнитивной активности и ее разделение на порции, с каждой из которых по силам справиться одному индивиду (и с большинством — даже индивиду с весьма посредственным умом) и которые затем относительно легко складываются в общую картину.

Забегая вперед, рассмотрим, в чем заключалась заслуга классиков социологии. Возьмем любое индуктивное обобщение из области макросоциологии — скажем, доказательства веберовского тезиса о роли протестантизма в возникновении современного капитализма. Вебер утверждает, из двух экономически наиболее развитых областей Европы рубежа XV и XVI в. — Северной Италии и Нидерландов — одна делает рывок к индустриальному капитализму, а вторая — экономически стагнирует. Дело в том, что в одной из них распространяется протестантизм кальвинистского толка, а другая остается преимущественно католической (Вебер 1990 (1904)). Для веберовской формулы можно найти дополнительные иллюстрации (большой успех семи северных кальвинистских провинций по сравнению с остающимися под властью Испании католическими южными). Можно добавить примеры, которые приведут к ее модификации если мы включим североамериканские колонии Британии, в котором аскетический протестантизм, как кажется, обеспечивает экономический рост даже в отсутствии развитого спекулятивного капитализма. Не значит ли это, что Вебер не довел свой тезис до логического конца и религиозная этика является единственным фактором, ответственным за появление современной экономики? (правда, здесь сразу логически следует ряд контрпримеров — скажем, кальвинистские области Швейцарии, в которых, несмотря на наличие подходящей религиозной этики, экономический рост остался весьма ограниченным). Формула может быть расширена, если мы включим в анализ восточноазиатские случаи XX века, в которых, кажется, имеется религиозная альтернатива кальвинизму — конфуцианство, и тогда нам придется обозначить и описать класс "капиталистически дружественных религий" (Лоуренс и Хантингтон 2002 (2000)). Ее можно подвергнуть сомнению, продемонстрировав, что на самом деле во Флоренции времен Медичи присутствовал "дух капитализма" с его "рациональным беспокойством" (Cohen 1980, McLean and Padgett 1997, где приводятся контр-контаргументы). Ее можно критиковать на основании статистических данных, показывающих, что католицизм в Голландии до конца XVII века был религией большинства, причем к нему относились наиболее успешные предприниматели. И так далее. Любой ясный научный аргумент обозначает репертуар модификаций, контрпримеров и уточнений, обеспечивая работой целую группу исследователей, сохраняющих, тем не менее, ясное понимание того, как их работа соотносится с работой других.

Если бы подобное было невозможным, было бы также невозможным и распределение индивидов по фронту научных исследований. Более того, свойства, присущие правилам аргументации, производят не только горизонтальную дифференциацию, создавая области специализации, но и вертикальную, образуя иерархию, причем аргументы занимающих верхние строчки в этой иерархии продолжают (не всегда зримо) присутствовать в работе многих последующих поколений

полунезависимые домены внутри них, отношение между которыми может быть весьма проблематичным. Скажем, биологические факультеты сегодня объединяют ботаников, физиологов, генетиков, экологов и молекулярных биологов, модели работы которых имеют мало общего помимо того, что они все изучают нечетко определенную "живую природу". В этом смысле, определение социологии как "полипарадигмальной науки" основывается на неверном представлении о том, что есть науки "монопарадигмальные". О проблемах с применением понятия парадигмы в социологии см. (Eckberg and Hill 1979).

ученых. Решение этих проблем всегда было лишь частичным, но и оно создавало уникальный в истории результат — кумулятивное — хотя бы, в рамках отдельных периодов — развитие. Развитие теологии, философии или искусства не является кумулятивным в том же смысле, в каком им является развития естественных наук, в двух отношениях. Во-первых, их несомненное изменение не подлежит реконструкции как движение к лучшему. Успешно закончивший университет студент-физик знает больше Ньютона об устройстве планетарной системы. Это мнение является консенсусом среди ныне здравствующих физиков, и воскресни Ньютон из мертвых, имелись бы значительные шансы убедить в том же его самого. Вряд ли, однако, кто-либо из ныне здравствующих теологов будет утверждать, что понимает замысел Всевышнего лучше, чем апостол Павел, а кто-либо из ныне здравствующих художников — что рисует лучше Вермеера (даже Дали не утверждал этого). В истории искусства можно найти периоды, когда отдельные его отрасли демонстрировали кумулятивность — например, живопись Кватроченто, овладевшая линейной перспективой — но по неслучайному совпадению это были те периоды, когда люди искусства живее всего интересовались наукой (в данном случае, геометрией). Во-вторых, среди физиков существует столь же общий консенсус по поводу того, что, не будь Ньютона, не было бы и современной космической механики. Хотя другие области интеллектуального производства также почитают своих отцов основателей, почитание это совершенно разного рода, и многие предпочитают разновидность бессмертия, которое дает наука — поскольку только она способна описать каждый шаг в своем развитии как *необходимый*. Интересные соображения о (не)кумуляции в социологии — в статье Герберта Ганса (Gans 1992).

(4) *"Объективность" и автономия интеллектуального лица.* Эта черта правил научной аргументации состоит в следующем. Участвующие в дискуссии ученые обнаруживают, что ее ход заставляет их выдвигать утверждения, которые они сами не предвидели и которые продиктованы исключительно логикой этой дискуссии — но не их собственными, присущими им предубеждениями, вкусами или интересами. Эта особенность научной аргументации часто называется "объективностью" ученых, — термин, совершенно неверный, если подразумевать под ним, что единственный фактор, влияющий на ученых — это истинные свойства изучаемого ими предмета, но точно передающий суть дела, если использовать его как указание на исчезновение из их взаимодействий "субъекта" в том смысле, в каком его понимает обыденная западная антропология. Рутинной практикой для нас является переопределение любого общего утверждения как риторической формулы, продиктованной некими политическими или психологическими характеристиками говорящего — интересами, которые, как мы предполагаем, присущи всем без исключения. Любое взаимодействие создает определенный "характер", "лицо" или "идентичность" участников, однако по отношению к любому такому лицу у людей западных обществ есть стойкая тенденция интерпретировать их как отображение некоего скрывающегося за ними "подлинного Я" (Goffman 1961; Goffman 1974). Развитие естественных наук, на протяжении столетий обеспечивало практикующих их иммунитетом против такого рода нормализующих реинтерпретаций⁷. Эта характеристика научной дискуссии имеет два

⁷ Наши обыденные теории скрытых интересов оказались малоприспособлены для таких реинтерпретаций. Лишь появление социально-научных теорий наподобие марксизма и психоанализа позволило продвинуться вперед этой работе, но даже результаты их современных последователей типа критических социологов науки оказываются обычно так убоги, что убеждают разве что их самих.

существенных следствия. Во-первых, она позволяла ученым делать политику способами, которые просто не распознавались как политические — поскольку не вписывались в модель возможных "политических интересов" (Latour 1983). Во-вторых, она предоставляла самим ученым своеобразные гарантии церемониальной безопасности. Действующий в "нормальной" науке исследователь, до тех пор, пока он играет по правилам, может быть оценен только по шкале "одаренный" — "заурядный". Сколько бы ни был обиден ярлык "заурядный", признать, что заурядности играют свою роль. Потенциальные потери от проигрыша в научной борьбе для них гораздо ниже, чем они могли бы быть, если бы ставкой во взаимодействии ученых была, скажем, политическая лояльность или этическая зрелость.

Эти черты научной коммуникации определяют институциональные формы, в которые она выливается. Во-первых, она предоставляет средство их легитимации и мобилизует значительные ресурсы для их развития. Поскольку наука способна дать так много в практическом плане, и поскольку сама она кажется (или, во всяком случае, казалась европейцам в течение нескольких столетий между временами Ньютона и антисциентистским движением середины 20 века) столь возвышенным предприятием, ученые как статусная группа наслаждались привилегиями, которых были лишены многие другие. Любопытно, например, что в англо-саксонских странах ученые остались одной из очень немногих статусных групп, члены которых могут рассчитывать на постоянное публичное упоминание своего официального титула ("доктор" или "профессор"). Двумя другими группами являются священнослужители и (не всегда) врачи. Всех остальных, включая президентов, кинозвезд, спортивных чемпионов и миллионеров, ждет просто "мистер" или "мизес". Автономия университетов и контроль ученых над ними, осуществляемый за (финансовый) счет общества — только одно из их многочисленных завоеваний. Во-вторых, сами эти формы коммуникации породили институциональные продолжения, такие как кафедры и исследовательские лаборатории, научная периодика и диссертации, интернациональные конференции и летние школы.

Если бы среди ученых не существовало согласия по поводу того, каковы достижения их науки на нынешний момент, не было бы возможно формирование сколько-нибудь унифицированных учебных планов (как и высокоорганизованное сопротивление другим корпоративным группам, которые также желали бы влиять на образовательный процесс — например, религиозным объединениям, желающим ознакомить школьников и студентов с собственной теорией мироздания). Сами учебные планы, построенные на переходе от изучения более ранних/простых/общих теорий к более поздним/сложным/частным были бы немислимы, если бы не существовало общих представлений о кумуляции научного знания. Успешное деление на кафедры и специализации стало бы проблематичным, если бы не было стабильно различимых областей в научной дискуссии. Формальные институты научного руководства (и неформальные институты научных школ) были бы неработоспособны, если бы не существовала признанная научная иерархия и если бы не было возможности постоянно производить некоторое количество ранжированных по важности и по сложности задач. Грантовое распределение поддержки также натолкнулось бы на значительные препятствия, если бы нельзя было отобрать признанных ученых для работы в жюри и если бы не было силы, заставляющей их поддерживать исследования, не представляющие для них непосредственного интереса или даже несущих в себе потенциальную угрозу их репутации. То же касается сколько-нибудь универсально признаваемых степеней. Ни один молодой гений не поднялся бы на вершины признания иначе,

как с помощью альянса с набирающей силы политической партией за пределами Академии (механизм, который, разумеется, тоже временами использовался, но значительно реже, чем Бурдые заставляет нас думать). Наконец, научная периодика или конференции в знакомом нам виде также не возникли до того, как появилась возможность разбить текущую дискуссию на дискретные реплики — сообщения о решении частных компактных проблем.

Задача институционализации социологии состояла в присвоении всех этих достижений, но она была разрешима лишь если социологи могли коммуницировать так, как это делали естественные ученые. Задача создания интеллектуального содержания, которое можно было бы влить в готовые институциональные мехи, и стояла перед классиками социологии.

Великое изобретение классиков

Сравним этот образ дискуссии в естественных науках с теми кухонными спорами о политике, в которые мы вступаем снова и снова, хотя каждый раз потом твердо обещаем себе отныне их избегать. В этих спорах нет центральной сюжетной линии или общего направления — мы просто реагируем на то, что кажется нам самым слабым или самым возмутительным пунктом в аргументации наших собеседников, а они реагируют на то, что задевает их в наших словах. Эти споры никогда не приводят к решающей победе одной из сторон, но часто — к охлаждению отношений, так как несогласие с нами часто превращает наших оппонентов в носителей смутной политической опасности и явной моральной испорченности, виновных, к тому же, в неприятном ощущении, что наша неспособность вполне отстоять свою позицию в споре с ними несколько повредила нашему социальному лицу.

Взаимодействие такого рода — предельно неподходящий материал для того, чтобы наполнить им академические институты. Рассмотрим подробнее, как происходит подобная обыденная политическая дискуссия, чтобы идентифицировать элементы, которые из нее требовалось устранить. Каждый ее участник имеет исходную позицию (или, как минимум, намерение не согласиться с позицией другого участника). Каждый владеет репертуаром систем аргументации, которые могут быть использованы против оппонента. Наши представления об обществе — это клубок разнородных соображений, отсылающих к совершенно разным абстрактным моделям, за каждой из которых мы готовы признать некоторую силу, и искусства спора — это в большой степени искусство выбора той системы, которая даст нам тактическое преимущество. Наконец, каждый участник имеет доступ ко множеству "фактов", которые могут быть признаны в этом качестве оппонентом, а могут и не быть (если под сомнение ставится сам "факт" или точность его цитирования).

Безнадежность подобного спора состоит в том, что систем аргументации, между которыми можно перемещаться, почти бесконечно много, большинство фактов — учитывая их рутинно осознаваемую производность от действий устанавливающих их агентов — могут быть поставлены под сомнение, а их цитирование оппонентом в большинстве практических ситуаций спора может быть дисквалифицировано как ошибочное. При этом, выбор фактов и выбор аргументов слишком глубоко характеризует каждого из нас — с точки зрения нашей доверчивости или нашей восприимчивости к определенной риторике — чтобы любое возражение не стало глубоко личным выпадом. Наше интеллектуальное лицо в слишком большой степени является частью нашего социального лица, чтобы не-

значительный ущерб для одного не обернулся гораздо более существенным ущербом для другого. По своей природе такая дискуссия нарушает важнейшие нормы западного этикета, предписывающего каждому "жить, и давать жить другим" (Goffman 1956; Goffman 1959).

Изобретение классиков состояло в почти незаметном на первый взгляд сдвиге акцентов, который, однако, имел огромное значение для институционального развития дисциплины. Речь идет о переносе в дискуссии центра тяжести с позиции, которая отстаивается, на систему аргументации, которая используется, чтобы ее отстоять. Иными словами, первичная ассоциация участников спора была теперь не с позицией, а с определенной риторикой как таковой, и поражение в нем засчитывалось не за неспособность отстоять эту позицию, а за неумелое использование данной аргументации. Развитие социологии как дисциплины связано с открытием — которое было открытием в том же смысле, что и открытие радиоактивности — того, что разногласия в оценке использования риторики поддаются сведению к сравнительно техническим и иногда даже допускающим однозначные решения.

Последствия этого сдвига акцентов можно видеть в позднейшем восприятии классики. Эббот писал, что классикам первого поколения мы удивительно легко прощаем то, что их тексты часто писались в защиту совершенно возмутительной — с современной точки зрения — политической позиции (Abbott 1997). Дюркгейму не ставят в вину то, что из всех своих исследований социальной солидарности он выводил корпоратистскую идеологию, необычайно похожую на "доктрину фашизма" Муссолини. Фактически, мы обычно не можем даже эту позицию распознать — если только на нее прямо не указывается в тексте — и именно эта невозможность является наиболее важным достижением классиков. Расхожая социология знания побуждает нас верить, что за знанием всегда скрываются групповые интересы, не показывая, однако, как из "Хозяйства и общества" можно дедуцировать партийную принадлежность Вебера или его отношений к суфражистскому движению, а из "Исследований по этнометодологии" — классовое происхождение (или хотя бы пол) Гарфинкеля. Классики на своем примере продемонстрировали достижимость для всех практических целей объективной позиции.

Великие разногласия по поводу того, какая аргументация вообще имеет силу и как должны устанавливаться факты, разумеется, никуда не исчезли. Изобретение классиков заключалось в том, что они нашли способ перенести их с уровня микровзаимодействия между парами индивидов на уровень сообщества в целом, дав возможность конкретным диадам в конкретном пространстве и времени сводить свои разногласия по разным социальным проблемам к сравнительно разрешимым — или не нуждающимся в разрешении. Наше сообщество состоит из сегментов, в которые ходит разная теоретическая валюта. В некоторых его провинциях не принимаются в качестве аргументов или фактов то, что считается единственными возможным разменным средством в других. Однако, каждый отдельный сегмент состоит из людей, прочно ассоциировавших себя с определенной аргументацией и признающих ее принудительную силу. Эта сравнительно специфичная аргументация позволяет им легко локализовать себя в общем пространстве дисциплины и сводить обсуждение принципиальных разногласий к ритуальным демонстрациям угрозы. Наконец, ее специфичность позволяет производство множество частных и шаблонных текстов ограниченного объема, которые идеально ложатся в формат научной периодики.

Интеллектуальная работа, обеспечившая это небольшое социальное чудо, заключалась в тщательной изоляции некоторых испокон веков присутствующих в

естественном языке линий аргументации. Риторика, заимствованная из естественных наук, заставляет искать в работах любого классика некие мыслительные конструкции, которые он изобрел. Однако это предприятие до обидного редко оказывается успешным. Списки "корневых метафор" социологии ("общество как механизм, организм, игра, драма или текст" (Brown 1977)) выглядят как набор штампов из посредственной литературы. Если бы Парсонсу в заслугу можно было поставить только то, что он усмотрел сходство общества с живым существом, а Гоффману — что он проделал то же с театром, то пришлось бы признать, что их обоих, по меньшей мере, несколько опередили. Любые метафоры такого рода можно легко найти у Шекспира. К счастью, ни тот, ни другой не ограничивались этими двумя метафорами. Идентификация Гоффмана как адепта "драматургической метафоры" и вовсе строится на недоразумении — прямые отсылки к театру как к иллюстрации важных аспектов устройства общества встречаются только в двух из нескольких десятков его текстов (а именно — Goffman 1959 и Goffman 1961a: 188–194), причем даже здесь он не говорит, что общество устроено как театр — скорее, театр представляет интерес (и для зрителя, и для социолога), демонстрируя в утрированной форме те структуры взаимодействия, которые образуют нашу социальную жизнь в целом. То же касается и Парсонса, для которого организмические метафоры значительно менее существенны, чем принято считать.

Сравнение с литературой вообще способно разочаровать тех, кто хотел бы усмотреть в работах социологов оригинальность и в плане постановки проблем (существовал ли более пронизательный наблюдатель статусных систем, чем Пруст?), и в плане методов их решения (есть ли хоть одна интеллектуальная причина, по которой "Люди бездны" Джека Лондона не являются превосходной городской этнографией?). Поиск мыслителей прошлого, которые в незапамятные времена знали то, что мы сегодня считаем новейшим изобретением, является древнейшим видом академического спорта. Вот моя любимая находка. Первому из императоров Чжоу, У-вану, жившему то ли в XII, то ли в X веке до нашей эры, "Ши-цзин" приписывает изречение: "Древние говорили: "Достойный муж смотрит на свое отражение не в воде, а в глазах народа". (Цит. по (Крил 2001(1970): 77).

То, что можно поставить классикам в заслугу, — это не расширение репертуара перспектив, из которых можно посмотреть на общество, а их искусная изоляция и дистилляция — не добавление новых ниток в клубок, а вытягивание из него тех, которые раньше безнадежно были переплетены с другими. Работы классиков отличаются не оригинальностью в построении аргументации, а простотой, даже примитивностью. Вебер в "Протестантской этике" опирается на несколько элементарных операций, которые, конечно, повсеместно использовались и до него — таких, как индуктивные сравнения социальных систем, введение в подобные сравнения промежуточного звена в виде перехода на микроуровень индивидуального действия (чтобы объяснить характер этой связи) и поиск корреляций между религиозным мировосприятием кальвинистов и этосом, требующимся для успешного ведения дел в мире современного ему промышленного капитализма. Эта схема вызывающе проста. Она легко может быть сведена к элементарному пересказу, изображена на доске в аудитории (см. Coleman 1990) и воспроизведена в собственных рассуждениях со ссылкой на Вебера. Именно элементарность придает ей технологичность, и именно она делает ее укладываемой в формат академических институтутов.

— Классик, таким образом, предлагает технологию решения задач, которые могут решаться и интуитивно, но с затратой значительно большего времени и

значительно большего труда. Позволю себе привести пример того, какая по моему, технология тут задействована и какие преимущества ее эксплицитное знание может дать. Попробуйте решить простую логическую задачу. На факультете социальных наук работают профессора Блэк, Уайт, Браун, Грин и Оранж, которые в один год выпустили каждый по монографии. Их книги были посвящены социологии морали, гендерным исследованиям, криминологии, теории революций и этнометодологии, причем: профессор Блэк написал рецензию на книгу по социологии морали, а профессор Грин — на книгу по этнометодологии;

- Авторы книг по гендерным исследованиям и по криминологии недавно признались друг другу, что не осилили книгу Блэка, гендерист, кроме того, открыл другу, что смысл книги Грина также остался для него тайной за семью печатями;
- Профессор Браун попросил коллег, написавших книги по социологии морали и гендеру, подписать ему экземпляры;
- Профессор Блэк втайне считает, что книга по этнометодологии свидетельствует о полной неспособности автора разобраться в предмете;
- Профессор Уайт и профессор Грин упомянуты в благодарностях в предисловии к книге по социологии морали.

Узнайте, кто написал какую книгу, если: каждый из них предполагает, что понимает, что написал, и имеет о своем тексте достаточно высокое мнение, никто не писал на собственную книгу рецензии, не подписывал сам себе экземпляр и не упоминал себя в благодарностях. Я предполагаю, что решение этой задачи в уме отнимет у читателя по меньше мере 5 минут. Та же операция, проделанная на листе бумаги, потребует не более 30 секунд — причем на способность решить ее не повлияет ни настроение, ни самочувствие, ни даже умеренное опьянение. Более того, появление в условиях, скажем, шестого профессора Пинка и его интеллектуальной биографии Маркса отнимет не более чем 5 лишних секунд для тех, кто решает по схеме и на бумаге, но очень существенно затруднит жизнь решающим в уме. Те, кому все эти задачи кажутся слишком простыми, могут попробовать в уме *придумать* аналогичную задачу. При использовании процедур, изложенных в (Бизам и Герцег 1975(1972)), это также не отнимет более 2 минут.

Та же замена инсайта техническими приемами может быть достигнута в социологии. То, что ранее было единоличным владением прекрасных умов, становится общим местом. Возьмем пример из истории философии. В части "Афоризмов житейской мудрости", в которой идет речь о природе чести, Шопенгауэр пишет: "Подлинное основание, почему правительства лишь с виду старались уничтожить дуэль, и, хотя, очевидно, это было бы очень легко сделать, особенно в университетах, притворяются, будто их отношения терпят фиаско, состоит, кажется мне, в следующем: государство не в состоянии вполне оплачивать услуги своих офицеров и гражданских чиновников; поэтому вторая половина его платы заключается в чести, которая представлена титулами, мундирами, орденами.... В Англии, где жалованье на военной и гражданской службе гораздо выше, нежели на континенте, нет нужды в подобном приеме; вот почему там, особенно за последние 20 лет, дуэль почти совершенно вывелась" (Шопенгауэр 2004(1850): 103). Если слегка модифицировать терминологию, то перед нами окажется вполне правдоподобная сравнительно-историческая гипотеза. Она может быть верной или неверной, существенно не это, а то, что, мы не стали думать другими категориями, но научились превращать те категории, которыми раньше искусно пользовались немногие, в доступный каждому инструмент — сделать из искусства ремесло.

Схема, которую использует Вебер, вовсе не так элементарна, как кажется на первый взгляд, и задействует как минимум три операции, которые могут быть использованы и по отдельности друг от друга. Фактически, позднее разные группы исследователей, называющих себя "веберийцами", и будут применять их по отдельности. Индуктивные сравнения между макросоциальными общностями могут производиться без сколько-нибудь подробного и эксплицитного обсуждения тех механизмов на микроуровне, которые ответственны за их различия и сходства. Это направление сегодня представлено, например, работами Хантингтона и Инглехарта, ищущих корреляции между преобладанием в обществе определенной религии и его макроэкономическими (ВВП на душу населения) и макрополитическими (стабильность демократии) показателями (Харрисон и Хантингтон 2002 (2000)). С другой стороны, основным предметом внимания может стать композиция макросоциальных событий из индивидуальных действий и наоборот, превращение социальной структуры в структуру индивидуальных возможностей — и эта линия рассуждений приводит нас к Коулмэну и другим теоретикам рационального выбора (Coleman 1990). Наконец, внимание к тому, как разные области жизненного мира соотносятся друг с другом и как субъективные смыслы формируют конструкцию общества в целом, позволяет считать себя последователями Вебера многочисленным феноменологам (Бергер и Лукман 1995 (1968)).

Каждый ход Вебера, прост и интуитивно очевиден. Все мы временами занимаемся индуктивным сравнением макросоциальных единиц, поскольку это, единственное средство, с помощью которого можем оценить эффективность экономической, социальной или репрессивной политики. Даже отъявленные этнометодологи прибегают к такого рода аргументации, когда им приходится выступать на политические темы. Точно так же, все мы знаем, что из индивидуальных поступков иногда вытекают следствия, которых никто не желает, и часто хотим разобраться в том, как это происходит. Наконец, вряд ли что-то можно возразить, не рискуя повторить судьбу психологического бихевиоризма, против того, что люди действуют, ориентируясь на свои ментальные модели мира и поэтому эти модели заслуживают изучения.

Каждый из этих ходов интуитивно понятен, и каждый порождает собственную дискуссию. Примеры дискуссии, генерируемой индуктивистскими операциями Вебера, приводились выше. Его редукция макросоциальных изменений к микроуровню индивидуальных действий стимулирует другой ряд реплик в полемике между учеными (Вебер вовсе не учитывает множества сложных эффектов композиции, которые могут в ходе этого процесса иметь место, чем открывает пространство для массы уточнений своей работы). Точно так же, феноменологическая часть позволяет перерабатывать и вносить коррективы как в историческое описание сознания кальвиниста (в высшей степени спорное — отметим хотя бы избирательность цитируемых Вебером источников, который лишь несколько раз упоминает многотомное наследие самого Кальвина — причем оказывается, что сам Кальвин не совсем вписывается в его схему), так и в его допущение о том, почему разные элемента этого сознания соотносятся друг с другом так, как они соотносятся (почему мы предполагаем, что получение знаков избранности мотивирует мирской аскетизм сильнее, чем возможность заслужить избрание?). Каждая из этих элементарных операций намечает паттерн для своего дальнейшего развертывания, — которое в гораздо большей степени является технической, изолированной, puzzle-solving активностью, чем обычно являются дискуссии на социальные темы, — и которое, в силу ограниченности доступных средств построения аргументации, — допускает широкое согласие.

Кроме того, непротиворечивое сосуществование этих операций в оригинальном тексте допускает соотнесение областей, генерируемых каждой из них: те, кто берет от Вебера интерес к макросоциальным сравнениям, и те, кто берет из нее озабоченность феноменологией религиозного сознания, знают, как одно потенциально соотносится с другим. Они превращаются в своего рода кланы, восходящие к общему предку (сравнение, как и оригинальное применение к подобным структурам теории фракталов, принадлежит Эндрю Эбботу (Abbott 2001)). К этому можно добавить, что схема Вебера была далеко не так элементарна, как это ее изложение, и задействовала некоторые другие модели построения аргументации, которые часто выскальзывают из изложений для первокурсников. Позднейшие работы Вебера, например, дают уже намеченные в "Протестантской этике..." схемы для интерпретации двусторонних отношений между политическими интересами статусных групп, стилем их жизни и религиозными и идеологическими доктринами, преобладающими в обществе. Они были восприняты прежде всего исследователями политической легитимности, такими как Бендикс (Bendix 1978). Еще одно ответвление — сравнительно-историческая социология Мура и Скочпол, в которой понятие легитимности отсутствует вовсе (см. объяснения по этому поводу в Skocpol 1979:14–15), но присутствует модель социального порядка как баланса сил между основными статусными группами и классами, также позволяющая (наравне с индуктивными сравнениями) идентифицировать всю дискуссию как "веберианскую". И так далее.

Еще более разрозненны дюркгеймианские линиджи. Дюркгейм, с одной стороны, нам в "Самоубийстве" классические примеры индуктивной аргументации, использующей простейшую статистику — примеры настолько совершенные, что по тому же шаблону была написана одна из наиболее популярных книг "Боулинг в одиночку" Роберта Патнэма (Дюркгейм 1994 (1897); Putnam 1995; Putnam 2000). Однако наиболее важным текстом для следующих поколений становится не "Самоубийство", а "Элементарные формы религиозной жизни", (Durkheim 1968 (1912)) в которых Дюркгейм:

- (а) продолжает намеченную ранее теорию двух человеческих природ (многократное использование подобных сегментирующих "личность" операций находим у Гоффмана);
- (б) определяет первичную социальность как порядок взаимодействия лицом к лицу (опять же Гоффман и этнометодология);
- (в) укореняет в этой социальности любые смыслы и чувства (обширная американская теория ритуалов от Уорнера (Уорнер 2000 (1959)) до Александра (Alexander 1984) и, под совсем другим углом — этнометодологи и Коллинз);
- (г) использует эту схему для анализа религиозной эволюции — от "внешнего Бога" к "индивиду как религии современных обществ" (снова Гоффман, а также исследователи гражданских религий типа Беллу (Bellah et al. 1985)).

Тем, кто сетует, что социология не забыла своих классиков в достаточной степени, можно указать на Дюркгейма. Наша каноническая версия истории социологии представляет его несколько карикатурной фигурой, верившей в "общество как объективную реальность", и не удосуживается указать, что именно Дюркгейм понимал под обществом. В этой же официальной версии отцом микросоциологии и социологического конструктивизма оказывается Вебер, несмотря на то, что именно для Дюркгейма переживания конкретных индивидов в ситуации конкретного взаимодействия были базисом, на котором покоились все институты и все символы. Для Вебера они были лишь "хаосом бесконечно разнообразных и высоко противоречивых комплексов

идей и чувств", в который аналитик должен вчитать свой смысл (Weber 1969(1904): 96).

Были ли ставшие классическими тексты лучшими среди тех, которые могли бы сыграть для социологии подобную роль? Тексты Дюркгейма и Вебера позволяли инициировать дискуссию, которая могла стать академической — но эта возможность не реализовалась сама собой. Чтобы дискуссия началась, пришлось приложить значительные усилия. Не было ли в то же время (или раньше) других людей, которые сделали чисто интеллектуальную часть работы, но воздержались от того, чтобы сделать чисто организационную — потому, что не имели возможности, потому, что им недоставало для этого воли, или потому, что им это было просто неинтересно?

Слишком цельный классик — автор действительно одной идеи — не сможет служить средством внутридисциплинарной ориентации и потеряет значительную часть своей функциональности. Примером здесь может служить Отис Дадли Данкан, само имя которого не фигурирует в заглавии раздела ни в одном учебнике по социологической теории, и который имеет индекс цитирования, несопоставимый с широтой распространения предложенной им модели статистической аргументации. Данкан в своей совместной с Блау книге (Blau and Duncan 1968) представил социологам многомерную регрессию — метод, с использованием которого пишется более половины статей в ведущих американских журналах типа *American Journal of Sociology*.

Многомерная регрессия идеально подходила для структурирования дискуссии (каждый следующий автор мог пересматривать модель, предложенную предыдущим, выдвигая новые способы измерения или просто новый набор переменных, причем качество результатов, измеряемое количеством объясненных вариаций, служило легким способом иерархического упорядочения достижений отдельных исследователей), она позволяла порождать тексты, идеально вписывающиеся в академический формат и каждая написанная с ее помощью статья становилась стимулом для написания нескольких новых. Эти свойства регрессии, безусловно, способствовали ее превращению в сверхпопулярный метод. Более того, регрессия вовсе не была исключительно статистической техникой. Эббот в своем критическом обзоре указывает на заложенные в ней важные математические предпосылки, которые при ее использовании неизбежно превращались в предпосылки в отношении всей социальной организации (Abbot 1988; Данкан и Блау были вполне осведомлены об этих ее свойствах). Тем не менее Блау никогда не рассматривался как потенциальный классик — если все сказанное верно, то именно потому, что предложенный им метод был *слишком* цельным.

С последним обстоятельством связан ответ на другой вопрос, который касается замкнутости пантеона классиков. В уже цитированной статье Эббот отмечает, что значительные социологи подразделяются нами — редко полностью сознательно, но удивительно единодушно — на два класса: "отцы-основатели" и "современники" (Abbott 1997). К первым безусловно относятся Вебер и Дюркгейм, а также, с некоторыми оговорками, Маркс, Зиммель и Мид. Ко вторым — Бурдьё, Гарфинкель, Хабермас, Гидденс и Гоффман. Часто они даже попадают в разные курсы — по "Классической" и "Современной" социальной теории, соответственно. Мы уже видели, что моральный статус этих двух групп несколько отличается: наше отношение к классикам первого поколения характеризует некоторая восторженная снисходительность, которая заставляет нас искать то, в чем мы сегодня готовы с ними согласиться, закрывая глаза на то, с чем мы согла-

ситься не готовы⁸. Могут ли "современные классики" однажды влиться на равных правах в пантеон "отцов-основателей"? Из всего сказанного следует, что это отнюдь маловероятно. Та работа, которая сделала тексты классиков настолько важными, уже была сделана однажды. Чтобы появилась новая генерация аналогичных фигур, потребовались бы совершенно новые институциональные рамки.

Еще одно из свойств, делающих отцов-основателей классиками, парадоксальным образом затрудняет присоединение к этому пантеону новых фигур. Классики служат средством ориентации в пространстве дисциплины и средством очерчивания дисциплинарных границ. Всякий, не имеющий возможности эксплицитно отнести себя к линиджу Дюркгейма, Вебера, Маркса, Мида или Зиммеля встретит серьезные проблемы в восприятии себя социологической аудиторией. Кто усомнился бы, что Гоффман — социальный психолог, если бы вместо Дюркгейма он больше ссылался на Фрейда, Салливана, Зимбардо или Милгрэма? Или что он — социальный антрополог, если бы это были Радклифф-Браун и Рут Бенедикт? К счастью, наследие классиков достаточно разнообразно, чтобы практически кто угодно мог найти в нем подходящую для себя родословную. Для любых статусных групп, критерием для членства в которых является происхождение, свойственно устанавливать нечто вроде общей хронологической точки отсчета — период, к которому возникновение любой действительно хорошей семьи должно восходить ("12 пэров Карла Великого"). "Новые люди" в этой системе всегда оказываются под подозрением, и всеми средствами стремятся обзавестись генеалогией, которая начинается оттуда же, что и генеалогия старой аристократии. Это касается и интеллектуальных генеалогий в социологии: единственной безопасной точкой отсчета для них являются классики первого поколения. Революции в социологии и дальше будут маскироваться под реставрации.

Заключение

Сформулируем наш основной тезис несколько иначе. Работа ученых как в социальных, так и в естественных науках представляет собой попытки обойти некоторые преграды. Для естественных ученых такой преградой служит непредсказуемость вещей и последствий обращения с этими вещами. Работа социологов состоит в преодолении препятствий несколько иного рода — массы возражений, которые любое высказывание об обществе может встретить. И те, и другие ищут в этом сопротивляющемся материале брешу. Для физика брешь представляет собой совокупность идей и практических действий, которые — вопреки ожидаемому обыденным сознанием — допускают высокопредсказуемые результаты. Для социолога — линию аргументации, которая не встречает отвержения как очевидно неправильная или морально порочная, но при этом имеет отношение к вещам, рассматриваемым аудиторией как "важные". Именно эта разновидность неуязвимости до сих пор была основным достижением социологии, лишенной (если не

⁸ Никто не предлагает исключить из рекомендованного чтения "Самоубийство" и "Элементарные формы", ссылаясь на то, что Дюркгейм использует в них откровенно недостоверную статистику и столь же недостоверную этнографию. Эббот замечает, что первое поколение Чикагской школы (и, добавим, Парсонс), хронологически попадающие между этими поколениями, обязаны своей нынешней относительной непопулярностью именно тому, что мы судим их по всей строгости наших современных критических стандартов, отказывая им в той снисходительности, которой пользуются их непосредственные предшественники.

считать предсказаний выборов) других эффектных демонстраций своего могущества.

Социологам периодически приходится доказывать другим, что они знают об обществе нечто такое, чего те не знают. Впечатление подобного преимущества может быть создано за счет знания большего количества "фактов", признаваемых аудиторией в качестве таковых, о какой-то отдельной области. Это же впечатление может быть создано за счет способности выстраивать цепочки аргументов, в которых аудитория не может найти брешей — возможностей вклиниться с указанием на непоследовательность или противоречие "фактам", и с которыми она не может найти повода не согласиться.

Работа классиков по изоляции отдельных моделей аргументации давала возможность последующим поколениям использовать те же проверенные стратегии построения своих доводов, которые использовали они. Кроме того, эта работа создала жанр суждений об обществе, который можно было соединить с институциональными реквизитами академической жизни — с публикациями в журналах или выступлениями на конференциях, достаточно ограниченными в тысячах знаков или минутах, чтобы дать возможность изложить ровно одну мысль. До тех пор, пока множество соображений об обществе представляют собой неразделимый клубок, о нем можно написать трактат — но не тезисы на одну страницу. Благодаря образцам классических текстов, мы знаем, откуда начать, чтобы получить сравнительно простой и цельный нарратив, и знаем, что именно начать, чтобы сказать нечто, представляющее для вполне определенной группы наших коллег интерес.

ЛИТЕРАТУРА

Бергер П. Лукман Т. 1995 (1968). *Социальное Конструирование Реальности*. М: Медиум.

Бизам Д. Г. Я. 1975(1972). *Игра и Логика*. М. Мир.

Бурдые П. 2002. Поле науки. *S/L'2002. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук*. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя.

Вебер М. 1990 (1904). Протестантская этика и дух капитализма. // *Избранные произведения*. М.: Прогресс. 134–250.

Дюркгейм Э. 1994 (1897) *Самоубийство. Социологический этюд*. М.: Мысль.

Коллинз Р. 2002 (1998). *Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Крип Х. Г. 2001 (1970). *Становление государственной власти в Китае: Империя Западного Чжоу*. СПб. Евразия.

Кун Т. 2003 (1962). *Структура научных революций*. М.: АСТ.

Регирер Е.И. 1966. *О профессии исследователя в точных науках*. М: Наука.

Сибрук У. 1946 (1941). *Роберт Вильямс Вуд: Современный чародей физической лаборатории*. М: ОГИЗ.

Уорнер У. Л. 2000 (1959). *Живые и мертвые: исследование символической жизни американцев*. СПб.: Университетская книга.

Харрисон Л. и Хантингтон С. 2002 (2000). *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. М: Московская школа политических исследований.

- Шопенгауэр А. 2004(1850). Афоризмы житейской мудрости. СПб: Азбука.
- Abbott A. 2001. *The Chaos of Disciplines*. Chicago and London: University of Chicago Press.
- Abbott A. 1997. On Time and Space: The Contemporary Relevance of the Chicago School. *Social Forces*. 74 (4):1149–1182.
- Abbot Andrew. 1988. Transcending General Linear Reality. *Sociological Theory*, 6(2): 169–186.
- Alexander J. 1984. Three Models of Society and Culture Relationships: Toward an Analysis of Watergate. *Sociological Theory*. 2:290–314.
- Axelrod R. 1984. **The Evolution of Cooperation**. N.Y.: Basic Books.
- Bellah A.R., Madsen R. Sullivan W.M. Swindler A. & Steven M. Tipton. 1985. *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life*. Berkley: University Press.
- Bendix R. 1978. *Kings or People? Power and the Mandate to Rule*. University of California Press.
- Blau P. M. and Otis D. D. 1968. *The American Occupation System*. N.Y: The Free Press / London: Macmillan.
- Bourdieu P. 1988. *Homo Academicus*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Bourdieu P. 1996. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Cambridge: Polity Press.
- Brown R. 1977. *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cohen J. 1980. Rational Capitalism in Renaissance Italy. *American Journal of Sociology*. 85(6): 1340–1355.
- Coleman J. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Belknap Press.
- Collins R. 1975. *Conflict Sociology: Toward and Explanatory Science*. N.Y.: Academic Press.
- Durkheim E. 1968 (1912) *The Elementary Forms of the Religious Life*. N.Y.: The Free Press.
- Eckberg D. L. and L. Hill. 1979. The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review. // *American Sociological Review*. 44(6): 925–937.
- Festinger L, Riecken H. & Schachter S. 1956. *When Prophecy Fails*. N.Y.: Harper & Row.
- H. Yans. 1992. Sociological Amnesia: The Noncumulation of Normal Social Science // *Sociological Forum*. 75(4): 701–710.
- Goffman E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday Anchor.
- Goffman E. 1961a. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and other Inmates*. N.Y.A Anchor Books.
- Goffman E. 1961b. Role Distance. Erving Goffman, *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction*. Indianapolis: Bobbs-Merrill: 85–170.
- Goffman E. 1967 (1955). On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction. In Erving Goffman, *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday Anchor: 5–46.
- Goffman E. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Hagstrom W. 1965. *The Scientific Community*. N.Y.:Basic Books.
- Johnson R.B. 1989. *The Burt Affair*. New York: Routledge.

Latour B. 1983. Give Me a Laboratory, and I Will Raise the World. Knorr-Cetina Karen D. and Mulkay M. (eds.) *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. London: Sage 141–171.

Latour B. and Woolgar S. 1979. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London and Beverley Hills: Sage.

MacDonald C. 1998. *The Killing of Reinhard Heydrich, The SS 'Butcher of Prague'* DaCapo Press.

McLean P. and Padgett J. 1997. Was Florence a Perfectly Competitive Market? Transactional Evidence From the Renaissance.' *Theory and Society*, 26(2/3): 209–244.

Merton R. 1973. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press.

Merton R. K. 1968. The Mathew Effect in Science. *Science*, 159: 56–63.

Putnam R. 1995. 'Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America.' *Political Science and Politics*, 28(4):664–683.

Putnam R. 2000. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.

Skocpol T. 1979. State and Revolution: Old Regimes and Revolutionary Crises in France, Russia and China. *Theory and Society*: 7(1/2): 7–95.

Weber M. 1969 (1904). 'Objectivity in Social Science and Social Politics' in E. Shils and Finch H. (eds.) *The Methodology of the Social Sciences. Max Weber*. New York: Free Press: 49–111.

Whitley R. 1985. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. Oxford and New York: The Clarendon Press, Oxford University Press.

A chapter from the book by the St.-Petersburg University professor who believes that the sociology classics did to the analysis of society what was earlier done by the founders of natural sciences to study of nature, the structured and institutionalized approach.